

АВТОБУС

Вариации

I

В последнее воскресенье мая на загородных линиях автобусы к вечеру работали, как землечерпалка, выхватывая полными ковшами и перенося к Москве нарядные группы дачных гостей. На полевых остановках в длинных очередях ожидали пассажиры, почти все с огромными букетами в руках. Тут же толкались провожающие.

Сытые мужчины в кремовых панамках, ароматные дамы, дети, румяно загоревшие за день, наполняли автобус жизнерадостным щебетом, самоуверенным смехом и целыми кустами пышной, как сливочная пена, черемухи.

Машина трогалась, а у всех вошедших, провожаемых, любезно раскланивающихся, делающих ручкой долго еще не сходила с лица вежливо-довольная улыбка убаготоренного гостя. Автобус ускорял ход, нарастал грохот, звенели стекла, и детей начинало подбрасывать на коленях у родителей.

Зеленые гладкие полосы мчались назад под окном, волнистые земли жирных огородов не поспевали за ними, горизонт стоял.

Рядом с шоссе желтело железнодорожное полотно. По рельсам, перегоняя автобус, бежал черный, аккуратно вырезанный силуэт пригородного поезда, весело мелькая колесиками, просвечивая белыми квадратиками окон. Длинная коса розового дыма стлалась за ним.

Курносая девица с личиком москвы, в шляпке, вырезанной на манер античного шлема, высунула из окна руку в лайковой перчатке и помахала поезду кружевным платочком.

Большое спокойное солнце садилось в золотистую теплынь Подмосковья. Половина его мягкого упругого шара скрылась за мгlistой полоской дальних лесов - и неожиданно я увидел в нем умный карий глаз класса-победителя, чуть прищуренный и добродушный, созерцающий эту девицу в перчатках, вот эту важную старуху с двойным подбородком и седыми буклями, не уместящуюся на сиденье, этого розового гражданина в инженерской фуражке, - которым он, всепрощающий класс, позволил дожить драгоценную жизнь, ездить в гости, загорать на пляжах и даже платить членские взносы в Осоавнахим.

II

Мгновенная, пронзающая жалость!

Автобус, гремя и раскачиваясь, выскочил из зоны редких пригородных фонарей, жилого света. Город легко развел объятия.

Влетели в поля - мрак, безлюдье, Каинова тоска осенних гнилых огородов. Впереди сильные лучи машины вкрывали из тьмы полосу шоссе - белый слитный бульжник. В заднем окне, колыхаясь, возникло белое зарево города. Телефонные столбы на мгновение вырастали на нем черной голгофы и - падали.

Через минуту - темная, спящая деревушка огородников - остановка по требованию. Но шофер не остановил машины.

И вот на одну секунду я увидел в отсветах окон человека у остановки, высоко поднявшего руку.

Он поздно поднял, его не заметили. Автобус пронесся дальше своим светлейшим, лакированным, комфортабельным царством. Человек остался один, в темноте, на краю шоссе.

Я успел его разглядеть. То был коротенький дачник, в фетровой шляпе, в просторном пальто колоколом, с толстошеким, компанейским лицом.

Что ж тут такого? Автобус не был последним. Лишних десять минут простоит, подождет... Но - полный наивной веры жест - поспешно поднятая рука, чуждое сомнений ожидание, что вот сейчас остановят, посадят его, одинокого, озябшего, - и то, что автобус проскочил мимо так презрительно, так аристократически жестоко - все это прожгло нестерпимой жалостью:

- Не заметили, не заметили бедного!... Миленький, толстенький - остался...

- Как он верил! - Верил, не успев осознать еще и через секунду, когда